

Критика экономического учения Маркса ¹⁾.

Изъ изслѣдованія „Соціализмъ (нравственность и хозяйство)“.

Критика теории кризисовъ. По словамъ Бернштейна, *эластичность* современного кредита при колоссальномъ накопленіи капиталовъ, усовершенствованіе средствъ сообщенія—почты, телеграфовъ, личнаго и товарнаго передвиженія, торговой статистики и сообщеній, развитіе организациі предпринимателей—все это *факты*, и просто немислимо, чтобы они не оказывали значительнаго вліянія на отношеніе между производительной дѣятельностью и положеніемъ рынка. Такимъ образомъ, очень вѣроятно, что въ будущемъ, съ прогрессомъ хозяйственнаго развитія, намъ не придется имѣть дѣла съ промышленными кризисами извѣстнаго уже намъ характера, и что, поэтому, нужно будетъ оставить всякіе расчеты на подобный кризисъ, какъ на прелюдію къ великому соціальному перевороту.

Вейзенгрюнъ спрашиваетъ: гдѣ факты, которые свидѣтельствовали бы объ одностороннемъ соціальномъ развитіи въ смыслѣ экспропріациі экспропріаторовъ? Напротивъ, повсюду мы видимъ явные симптомы упроченія капитализма на всѣхъ позиціяхъ, обезпеченіе его на будущее, насколько можно предвидѣть, время, хотя концентрація въ индустріи далеко еще не завершилась, а въ земледѣліи наблюдается лишь въ незначительной степени. Оглянитесь кругомъ: повсюду открываются перспективы новыхъ обширныхъ рынковъ для сбыта товаровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя препятствія къ

¹⁾ Продолженіе. См. окт.

тому обостренному состоянію народнаго хозяйства, къ продолжительному кризису, о которомъ грезить марксизмъ. Въ концѣ XIX столѣтія колониальная политика приняла такіе размѣры, такое колоссальное значеніе, какого и приблизительно никто не предчувствовалъ въ средніи вѣка. При этомъ новая колониальная политика, хотя большею частью безсознательно, руководится социальными мотивами, которыхъ не имѣло старое колониальное хозяйство, руководившееся исключительно мотивомъ захвата. Въ англосаксонскомъ мірѣ крупная промышленность процвѣтаетъ больше, чѣмъ гдѣ-либо. **Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь впервые противодѣйствіе** класса капиталистовъ продолжительному кризису принимаетъ твердую форму. Имперіализмъ, т. е. тенденція прочно связать громадныя пространства общими хозяйственными интересами, приковать обширныя колоніи желѣзными цѣпями экономическаго расчета къ метрополіи, все сильнѣе сказывающееся стремленіе создать экономически объединенную и этимъ великую Англію знаменуетъ первый шагъ позднѣйшаго капитализма къ самосохраненію. Второй моментъ образуется упомянутой новой колониальной политикой великихъ континентальныхъ державъ и особенно имѣющими основаніе надеждами хозяйственной Европы и Америки на расширеніе сферы вліянія въ Китаѣ. Третій моментъ—проведеніе великой сибирской желѣзной дороги, открывающее новый экономическій міръ, который будетъ служить на многія десятилѣтія не для одной русской индустріи громаднымъ рынкомъ сбыта. Четвертый моментъ—развитіе самой русской промышленности и культурно-экономическое пробужденіе этого великаго, но стоящаго еще на относительно низкой ступени развитія народа. Каждое въ отдѣльности изъ этихъ обстоятельствъ знаменуетъ оплотъ противъ угрожающаго длительнаго кризиса, помимо котораго, при крайне сконцентрированномъ производствѣ, нельзя ожидать перемѣнъ въ положеніи капитализма,—и тѣмъ сильнѣе должно пренятствовать тенденціи къ экспроприаціи экспроприаторовъ совместное дѣйствіе всѣхъ этихъ факторовъ. Сюда присоединяется иное, весьма важное, обстоятельство. Картелями и трестами, которымъ предстоитъ будущность, капитализмъ охраняется какъ совнѣ, такъ и извнутри. Въ нихъ сказывается забота представителей повѣнчанной хозяйственной системы о себѣ самихъ.

Конечно, картели могли бы открыть легкій путь къ экспроприации экспроприаторовъ, но это было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы не было другихъ задерживающихъ обстоятельствъ... Какъ же, въ виду такихъ фактовъ, можно говорить о явной, абсолютной, неотвратимой, съ механической необходимостью дѣйствующей тенденціи къ экспроприации экспроприаторовъ? Въ противоположность этому скорѣе можно говорить о тенденціи къ увѣковѣченію капитализма, который при иныхъ историческихъ условіяхъ могъ бы принять иной видъ, но на ближайшее будущее былъ бы достаточно силенъ, чтобы задержать тенденцію къ экспроприации экспроприаторовъ.

Откуда возникаютъ кризисы и вслѣдствіе чего они столь усиленно учащаются? По мнѣнію марксизма—оттого, что слѣпая и бѣшенная конкуренція заставляетъ выбрасывать на міровой рынокъ все больше и больше продуктовъ, которые не находятъ себѣ сбыта. Постоянно уменьшается сбытъ товаровъ, хозяйственное обращеніе приходитъ въ замѣпательство, и кризисъ готовъ. Сюда присоединяется еще одно. Капитализмъ, давно потерявшій способность обуздывать революціонныя производительныя силы, долженъ терпѣть ихъ чрезмѣрный ростъ. Итакъ, съ одной стороны, перепроизводство товаровъ, съ другой стороны, неспособность капитализма къ организаціи ведутъ сначала къ спорадическому, затѣмъ къ хроническому кризису. Но мы видимъ, что даже при этихъ условіяхъ собственно о перепроизствѣ товаровъ рѣчи быть не можетъ: открывающіяся новые рынки меньше всего допускаютъ возможность хроническаго кризиса. Что же сказать о второмъ факторѣ—о неспособности капитализма къ организаціи? Здѣсь-то и обнаруживается значеніе картелей. Онѣ суть—не единственный, но главнѣйшій симптомъ того, что, начиная съ извѣстной ступени развитія, классъ капиталистовъ получаетъ способность создавать организаціи, вмѣшиваться сознательно и плодотворно въ процессъ производства. Здѣсь рѣчь идетъ не о социальнo-политической сторонѣ картелей, но лишь объ ихъ значеніи въ исторіи экономической эволюціи. Какъ бы картели ни были вредны для рабочихъ, для капиталистовъ онѣ во всякомъ случаѣ приносятъ пользу. Но онѣ полезны не только для отдѣльныхъ капиталистовъ, но и для капита-

листовъ, какъ класса, какъ соціальной группы. Крупный капиталистъ - магнатъ не такъ нуждается въ картели, какъ средній. Тресты и всякаго рода союзы предпринимателей суть прежде всего предохранительное средство для класса среднихъ капиталистовъ. Это столь же подходящая форма для среднихъ капиталистовъ, какъ рабочіе союзы для организованныхъ пролетаріевъ и сельскія общества для крестьянъ. Картели могутъ распадаться, какъ и рабочіе союзы гибнуть отъ разныхъ причинъ. Въ общемъ это ничего не доказываетъ ни противъ картелей, ни противъ рабочихъ союзовъ. Разсматриваемая съ точки зрѣнія исторіи соціальной эволюціи, картели имѣютъ двоякое соціальное значеніе. Во-первыхъ, онѣ суть защита для класса среднихъ капиталистовъ, во-вторыхъ, онѣ содѣйствуютъ сокращенію и замедленію хроническихъ кризисовъ. Въ тѣхъ отрасляхъ индустріи, въ которыхъ начинаютъ примѣняться картели, устраняется возможность конкуренціи, а безъ конкуренціи и безъ затрудненій въ сбытѣ не можетъ быть мѣста для продолжительныхъ кризисовъ ¹⁾.

Критика теоріи обнищанія рабочихъ. Когда складывалась эта теорія Маркса, тогда она была простымъ констатированіемъ факта ²⁾,—и она была общепринятою теоріею. Но обнищаніе рабочихъ было лишь временнымъ явленіемъ. По словамъ Туганъ-Барановскаго, первые шаги капитализма повели къ значительному ухудшенію положенія рабочаго класса, но дальнѣйшіе усилія капиталистической промышленности пошли, въ нѣкоторой своей части, на пользу рабочимъ. Причины этой перемѣны были весьма сложны. Капиталистическій способъ производства повышаетъ производительность труда, и это является, само по себѣ, обстоятельствомъ, благоприятствующимъ повышенію заработной платы. Но пока фабричное производство не играетъ въ странѣ господствующей роли,

¹⁾ Гаммахеръ вѣрно замѣчаетъ: Von einem bevorstehenden Zusammenbruche des Kapitalismus im Marxistischen Sinne kann nicht die Rede sein, da er ja selbst jene Formen der Organisation gefunden hat, die nach dem ursprünglichen Programm des Marxismus nur durch die assoziierten Arbeiter, die Diktatur des Proletariats möglich werden sollten.

²⁾ Струве: Die „Verelendungstheorie“ war in der ersten Hälfte des XIX. Jahrhunderts eine einfache Konstatierung des wirklichen Verlaufs der Dinge.

до тѣхъ поръ высокая производительность труда на фабрикахъ создаетъ тенденцію не къ повышенію, а къ пониженію заработковъ трудящихся классовъ населенія. Дѣло въ томъ, что фабрики конкурируютъ въ этомъ случаѣ съ различными формами мелкаго производства — ремесломъ, кустарнымъ производствомъ, домашней капиталистической промышленностью. Всякій успѣхъ машинной техники вызываетъ паденіе цѣны фабричнаго продукта, а благодаря этому падаетъ и цѣна конкурирующихъ продуктовъ ручного труда, слѣдствіемъ чего является сокращеніе заработковъ соответствующихъ группъ мелкихъ производителей. Пока эти конкурирующіе съ фабрикой мелкіе производители численно преобладаютъ, до тѣхъ поръ ростъ производительности труда въ сферѣ крупнаго машиннаго производства оказываетъ угнетающее вліяніе на экономическое положеніе массы населенія, остающагося при прежнихъ способахъ производства. Но и въ средѣ самихъ фабричныхъ работниковъ заработная плата въ этомъ періодѣ капиталистическаго развитія не можетъ существенно повышаться, такъ какъ разореніе мелкихъ производителей вызываетъ наплывъ рабочихъ на фабрики и этимъ сбиваетъ цѣну на рабочія руки. Все это и наблюдалось въ руководящихъ капиталистическихъ странахъ Европы въ первую половину закончившагося вѣка. Въ концѣ концовъ фабрика рѣшительно побѣдила; въ самыхъ важныхъ отрасляхъ промышленности она стала господствующей формой производства. Тогда положеніе перемѣнилось. Дальнѣйшее повышеніе производительности труда создало тенденцію къ повышенію заработной платы, такъ какъ общая сумма продукта, вырабатывавшагося рабочимъ и подлежащаго раздѣлу между нимъ и капиталистомъ, увеличилась (*Современный социализмъ*).

Повышеніе экономическаго положенія рабочихъ констатировано многими наблюдателями. Особенную извѣстность получила книжка Сиднея Вебба *Положеніе труда въ Англійи за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ, 1837—1897 (Labor in the Longest Reign, 1837—1897. Issued under the auspices of the Fabian Society)*. Какъ бы ни были мы склонны—читаемъ здѣсь—повременамъ дурно думать о современномъ положеніи народа, однако ясно, что въ общемъ послѣ 1837 года былъ сдѣланъ существенный шагъ впередъ. Въ очень большомъ числѣ ра-

бочихъ профессій и почти во всѣхъ мѣстностяхъ заработокъ мужчинъ значительно увеличился, что даетъ имъ возможность пользоваться нѣкоторымъ комфортомъ, о чемъ не имѣли представленія шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Во многихъ случаяхъ рабочій день сталъ менѣе продолжительнымъ, условія труда улучшились и общій уровень жизненныхъ потребностей значительно повысился. Домашняя жизнь какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, сдѣлалась болѣе удобной; санитарныя условія во многихъ отношеніяхъ совершенно измѣнились; образованіе стало интенсивнѣе и экстенсивнѣе; въ то же время такія пособія умственной жизни, какъ библіотеки, музеи, художественныя галереи, музыка и полезныя развлеченія, стали гораздо доступнѣе для рабочаго. Словомъ, большая часть населенія сдѣлалась культурнѣе, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Какой бы жестокой ни была наша промышленная система, жизнь въ Англии почти во всѣхъ отношеніяхъ стала человѣчнѣе. Существующіе до сихъ поръ недостатки не должны заслонять отъ нашихъ глазъ сдѣланныхъ успѣховъ. Панегирики статистиковъ-оптимистовъ нашего времени оправдываются въ этомъ отношеніи ¹⁾.

1) Отмѣченные факты достаточно доказываютъ несостоятельность марксистской теоріи, но чтобы, независимо отъ этого, не составить себѣ преувеличенныхъ представлений объ улучшеніи въ положеніи рабочихъ по мнѣнію Сиднея Вебба, мы сдѣлаемъ еще выдержку изъ той же его книжки. „Тогда какъ положеніе большинства живущихъ на заработную плату улучшилось съ 1837 года, другая часть получила изъ общей доли увеличившагося богатства и плодовъ цивилизаціи немного или ничего. Если мы возьмемъ отдѣльныя стороны жизни и проведемъ опредѣленную черту, ниже которой, по нашему, рабочій не можетъ прилично существовать, то найдемъ, что по отношенію къ заработку, къ количеству рабочихъ часовъ, къ помѣщеніямъ и къ общему прогрессу цивилизаціи *процентъ* тѣхъ, которые находятся подъ линіей, меньше, чѣмъ онъ былъ въ 1837 г. Но мы нашли бы такъ же, что теперешній уровень почти столь же низокъ, какъ и тогда, и что *общее число* лицъ, находящихся подъ начерченной нами линіей, въ настоящее время, вѣроятно, больше, чѣмъ въ 1837 г. Едва-ли когда существовала такая бѣдность, а распространенность ея та же или еще болѣе обширна. Грязь 1837 года не смyta съ нашихъ рукъ и сознанія. Тотъ фактъ, что наиболѣе благоденствующая часть, умножаясь сама и умноживъ свое богатство, оставила въ коснѣніи значительную часть общества, увеличиваетъ нашу отвѣтственность. Мораль всего этого

Среди путей, которые въ послѣднее время усиленно ведутъ къ повышенію экономическаго положенія рабочаго класса, первое мѣсто занимаютъ рабочіе союзы и кооперативныя организаціи, а также фабричное законодательство.

Гаммахеръ остроумно обнаруживаетъ, что экономическая теорія Маркса и не доказываетъ неизбѣжности обнищанія рабочихъ. По экономическому ученію Маркса, прямая цѣль капиталиста и опредѣленный мотивъ производства есть производство прибавочной цѣнности. Прибавочная цѣнность создается рабочимъ и получается капиталистомъ чрезъ эксплуатацію рабочаго, заработокъ котораго опредѣляется количествомъ средствъ существованія его и его семьи, его необходимыми потребностями. Повышеніе производительности труда идетъ въ пользу только капиталисту, но не рабочему. Капиталистъ, устремляющійся единственно къ производству прибавочной цѣнности и заинтересованный исключительно въ мѣнновой цѣнности, долженъ постоянно понижать цѣну товаровъ. „Такъ какъ относительная прибавочная цѣнность ¹⁾ возрастаетъ въ прямомъ отношеніи къ развитію производительной силы труда, между тѣмъ какъ цѣнность товаровъ понижается въ обратномъ отношеніи къ тому же самому развитію, и такъ какъ вслѣдствіе этого одинъ и тотъ же совершенно тождественный процессъ удешевляетъ товары и увеличиваетъ содержащуюся въ нихъ прибавочную цѣнность, то это обстоятельство разрѣшаетъ загадку, заключающуюся въ томъ, что капиталистъ, котораго интересуется только производство мѣнновой цѣнности, постоянно въ то же

обзора та, что нужны, повидимому, еще очень большія усилія для понятія уровня этой опустившейся массы“.

Для германской промышленности см. Конрада *Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie* 4 Th. *Statistik*; въ частности, объ улучшеніи положенія земледѣльческаго рабочаго населенія въ Германіи съ 1882 по 1895 Гольца *Vorlesungen über Agrarwesen und Agrarpolitik*. Изъ русскихъ авторовъ по вопросу объ улучшеніи положенія рабочихъ см. проф. Исаева *Вопросы соціологии*.

¹⁾ Марксъ называетъ абсолютной прибавочной цѣнностью прибавочную цѣнность, производимую посредствомъ удлинненія рабочаго дня, а относительной прибавочной цѣнностью—ту прибавочную цѣнность, которая возникаетъ изъ сокращенія необходимаго рабочаго времени и изъ соответственнаго измѣненія во взаимномъ отношеніи обѣихъ составныхъ частей рабочаго дня.

время стремится къ пониженію мѣнновой цѣнности товаровъ“. Съ другой стороны, рабочая сила оцѣнивается по общественно-необходимому времени для ея поддержанія, по стоимости ея воспроизводства, по средній уровень такъ называемыхъ необходимыхъ потребностей, или необходимыхъ средствъ существованія, долженъ быть для опредѣленной страны и въ опредѣленный періодъ времени величиной постоянной. Если же норма прибавочной цѣнности ¹⁾ постоянно возрастаетъ, доля рабочаго дня, которая приходится на прибавочную работу, все удлиняется, а необходимая работа сокращается, то—при предположеніяхъ самого Маркса—должно ли и даже можетъ ли ухудшаться положеніе рабочаго? Конечно, если его заработокъ постоянно опредѣляется издержками воспроизводства, то онъ долженъ понижаться по мѣрѣ того, какъ сокращается это необходимое время,—въ этомъ Марксъ правъ. Но онъ проглядываетъ, при какой предпосылкѣ это пониженіе возможно. Очевидно, въ той же мѣрѣ, въ какой понижается заработная плата, понижаются въ дѣйствительности издержки производства рабочей силы. Въдѣ уровень потребностей содержитъ въ себѣ „элементы исторической и моральной“. Слѣдовательно, заработная плата можетъ падать лишь въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе повывсившагося неоплаченнаго прибавочнаго труда, соотвѣтственно понижается цѣнность товаровъ и покупательная сила заработной платы въ дѣйствительности повышается. Вообще, представляется естественнымъ постоянство реальной заработной платы: кто стоитъ уже на уровнѣ необходимыхъ потребностей и получаетъ лишь столько, сколько необходимо для его воспроизводства, у того уровень жизненныхъ потребностей не можетъ быть пониженъ никакою наличностью резервной арміи, ибо иначе онъ опустился бы, чего и Марксъ не допускаетъ, ниже „моральной“ границы и погибъ бы отъ голодной смерти. Согласно съ своей теоріей прибавочной цѣнности Марксъ долженъ былъ бы придти къ тому выводу, что положеніе рабочаго остается абсолютно

¹⁾ Нормой прибавочной цѣнности Марксъ называетъ относительную величину ея, т. е. то отношеніе, въ которомъ возрасла цѣнность переменнаго капитала, отношеніе прибавочной цѣнности къ переменному капиталу, иначе сказать—степень эксплуатаціи рабочей силы.

равнымъ, хотя бы одни капиталисты узурпировали выгоды необычайно поднявшейся производительности труда. Но существуетъ ли въ дѣйствительности тотъ суровый законъ, что съ возрастаніемъ матеріальнаго богатства, съ увеличеніемъ капитала, вычетъ изъ продуктовъ труда въ пользу капиталиста становится все больше? Двигается ли наемный трудъ обратно пропорціонально производительности народнаго хозяйства? Гаммахеръ соглашается съ Дитцелемъ, что заработная плата поднимается и падаетъ вмѣстѣ съ производительностью народнаго хозяйства. Равнымъ образомъ, и общія покупательная сила поднимается съ поднимающеюся производительностью народнаго хозяйства и падаетъ съ падающею производительностью. Этимъ принципиально преодолевается пессимизмъ въ обсужденіи рабочаго вопроса, полагается конецъ желѣзному закону заработной платы. Тенденція къ физическому обнищанію рабочихъ вообще не существуетъ.

Теорія обнищанія, нѣкогда общепринятая, нынѣ всеміи оставлена ¹⁾, даже социалистами ²⁾, которые уже позволяютъ себѣ говорить самое большее—о социальной нищетѣ, а не о физической. Энгельсъ въ проэктѣ Эрфуртской программы не одобрилъ фразы: „все больше становится число и возрастаетъ бѣдность пролетаріевъ“. Онъ говорилъ: „въ такой абсолютной формѣ, это—не вѣрно. Организанія рабочихъ и ихъ постоянно возрастающее сопротивленіе полагаютъ, по возможности, извѣстную границу росту нищеты. Но что несомнѣнно возрастаетъ, это—необезпеченность существованія. Это я внесъ бы“ ³⁾. Каутскій въ отвѣтъ Бернштейну настаиваетъ на обнищаніи рабочихъ не какъ на законѣ, а лишь какъ на тенденціи капиталистическаго общества. Еще настойчивѣе предлагаетъ онъ другое пониманіе нищеты. „Слово

¹⁾ Ср. также Ностица *Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. Ein Beitrag zur socialen Geschichte der Gegenwart*, Ю. Вольфа разныя сочиненія.

²⁾ И французскими: Гэдъ *Quatre ans de lutte* и Сорель *Avenir socialiste des syndicals*.

³⁾ Въ послѣдней редакціи этотъ пунктъ Эрфуртской программы имѣетъ такой видъ: „Для пролетаріата и для опускающихся среднихъ слоевъ—мѣщанства, крестьянъ—оно (возобладаніе крупнаго производства) означаетъ все большую необезпеченность существованія, ростъ нужды, гнета, порабощенія, униженія, эксплуатаціи“. Странная смѣсь новаго пониманія со старымъ.

нищета можетъ имѣть значеніе *физической нищеты*, но также и *нищеты социальной*. Нищета въ первомъ смыслѣ измѣряется *физиологическими* потребностями человѣка, которыя, правда, не вездѣ и не во всѣ времена оставались неизмѣнными, но которыя все-жъ таки не такъ быстро развивались, какъ *соціальные потребности*, неудовлетвореніе которыхъ порождаетъ социальную нищету. Если понять это слово въ физиологическомъ его смыслѣ, то тогда, конечно, выраженіе Маркса было бы несостоятельнымъ. Какъ разъ въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ нельзя уже констатировать общаго увеличенія физической нищеты; всѣ факты, напротивъ, указываютъ на то, что въ этихъ странахъ физическая нищета уменьшается, хотя крайне медленно и далеко не повсюду. Жизненный уровень рабочаго класса въ настоящее время болѣе высокій, чѣмъ какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Конечно, ошибочно было бы измѣрять его повышение повышеніемъ денежной платы. Не слѣдуетъ забывать, какъ сильно съ тѣхъ поръ вздорожали средства къ жизни... Успѣхъ—далеко не такой большой, какимъ онъ кажется при взглядѣ на денежную плату... Но если поднятіе рабочаго класса изъ физической нищеты является столь медленнымъ процессомъ, то уже отсюда можно заключить о постоянномъ возрастаніи ихъ *соціальной нищеты*, такъ какъ производительность труда необычайно быстро растетъ. Это значитъ не что иное, какъ то, что рабочій классъ все въ большей мѣрѣ лишается участія въ прогрессѣ культуры, имъ же производимомъ, что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе уровня пролетаріата, что социальный антагонизмъ между этими классами растетъ... О ростѣ нищеты въ социальномъ смыслѣ говорятъ и сами буржуа, они только дали ему иное наименованіе; они называютъ его требовательностью (*Begehrlichkeit*). Но вѣдь не въ словѣ дѣло. Главное это фактъ, что антагонизмъ между потребностями рабочихъ и возможностью удовлетворить ихъ изъ получасной ими платы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и антагонизмъ между наемнымъ трудомъ и капиталомъ все болѣе растетъ. Въ этой растущей нищетѣ крѣпкаго физически и духовно рабочаго класса, а не въ растущемъ отчаяніи полудозвѣрѣвшихъ, покрытыхъ язвами ордѣ, авторъ *Капитала* видѣлъ могучій рычагъ перехода къ социализму. Дѣйствіе этой ни-

щеты не уничтожается указаніемъ на повышающійся жизненный уровень рабочаго класса“.

Каутскій „безусловно неправъ въ своемъ утвержденіи, будто развитая имъ теорія соціального обнищанія есть не что иное, какъ истинная теорія Маркса“. Нѣтъ, Марксъ говорилъ не о требовательности рабочихъ, но о „накопленіи нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія“ рабочихъ. Ни о чемъ другомъ онъ не могъ говорить, ибо лишь указаніемъ на возрастающую физическую нищету рабочихъ и ихъ вырожденіе, физическое и нравственное, могъ онъ надѣяться обосновать теорію соціальной катастрофы, какъ стихійнаго процесса. Пониманіе Каутскаго есть явный отказъ отъ теоріи Маркса.

Но безотносительно къ этому, отмѣчаемый Каутскимъ фактъ возрастающаго недовольства рабочихъ можетъ быть вполне принятъ. Критика не имѣетъ ни возможности, ни нужды оспаривать этотъ фактъ ¹⁾. Но этотъ фактъ относится къ области нравственно-психологической и выступаетъ изъ границъ натуралистической теоріи, претендующей на установленіе естественнаго закона. Мы снова можемъ указать на ту роковую неизбѣжность, съ какою марксизмъ упирается въ нравственно-психологическую почву. И также снова скажемъ, что этотъ нравственно-психологическій элементъ своею наличною силою укрѣпляетъ соціальное движеніе ²⁾, но, воспринимая его, система марксизма перестаетъ

¹⁾ Гаммахеръ: Nicht obwohl, sondern gerade weil es den Arbeitern besser geht, nimmt der Groll des Klassenkampfes zu. Der Gegensatz zwischen Bourgeoisie und Proletariat ist objectiv geringer geworden, aber subjectiv grösser, weil er stärker empfunden wird.

²⁾ Ср. Гаммахера: In letzter Linie kommt es gar nicht darauf an, ob nach objectiven Merkmalen ein sozialer Antagonismus vorhanden ist, sondern als historische Tatsache ist es nur—eben nach Marx' Unterscheidung zweier Etappen der Genesis der Klasse—psychologisch wirksam. Weil die beginnende Emanzipation dem Arbeiter das Bewusstsein seiner Lage gebracht hat, die ihn bei allen Anlagen doch von den hehrsten Kulturgütern der Nation ausschliesst, weil er aufgehört hat, die Knechtschaft als eine notwendige, selbstverständliche Institution anzusehen. deswegen hat ihn eine Unruhe ergriffen, die die politische Opposition in dem Masse verstärkte, als man ihr entgegenkam... Wenn der Philister klagt, wie Kautsky sagt, „die Begehrlichkeit“ der Massen steige fortwährend an, so liegt doch gerade hierin die Grösse der Arbeiterbewegung.

быть научною доктриною и теряетъ опору для каузальнаго обоснованія грядущаго социалистическаго общежитія ¹⁾).

Критика теоріи соціальной революціи. Бернштейнъ пишетъ, что идея о крушеніи капиталистическаго строя противорѣчитъ, какъ дѣйствительному экономическому развитію, такъ и общему культурному прогрессу. Исторія не даетъ ни одного примѣра подобной (насильственной) экспроприаціи. Даже уничтоженіе феодализма произошло совершенно инымъ образомъ, чѣмъ мы обыкновенно предполагаемъ и чѣмъ предполагали еще Марксъ и Энгельсъ въ эпоху выработки своей теоріи. Когда феодализмъ палъ, буржуазная собственность была уже вполне развита. По всѣмъ признакамъ, паденіе капиталистической собственности совершится тѣмъ же путемъ. Коллективная собственность разовьется не вслѣдствіе насильственнаго уничтоженія капиталистической собствен-

das Symptom intellektueller und moralischer Reife, auf das auch der politische Gegner Ursache hat, stolz zu sein.

¹⁾ Гаммахеръ: So tritt an Stelle der Marxistischen eine psychologische Verelendungstheorie. Die Sensibilität wächst, während der erreichte Fortschritt nicht mehr in die seelische Disposition eingeht und als selbstverständlich geworden nicht mehr veranschlagt wird. Hierdurch wird der Emanzipationskampf des Proletariats weiter getrieben werden, ohne dass man freilich deshalb von einer kausalen Notwendigkeit des sozialistischen Zukunftsstaates sprechen könnte.

Отмѣтимъ, въ дополненіе къ сказанному, еще одно внутреннее противорѣчіе въ теоріи марксизма. По взгляду Маркса социалистическій строй будетъ результатомъ широкаго развитія производительныхъ силъ (ср. ниже слова Энгельса), плодомъ высокаго культурнаго подъема, дѣломъ обширнаго кругозора. Но развѣ обнищавшій и одичавшій пролетаріатъ могъ бы вынести на своихъ плечахъ тяжесть этого дѣла? На это внутреннее противорѣчіе въ теоріяхъ Маркса указалъ Струве въ ст. *Die Marxistische Theorie der sozialen Entwicklung*. Здѣсь читаемъ: Es darf nicht vergessen werden, dass der Sozialismus für Marx uneingeschränkt die Blüte der Kultur bedeutete. Er nahm für seinen Sozialismus alle kulturellen Errungenschaften der Bourgeoisie in Anspruch. Solange die fortschreitende Verelendung der Volksmassen eine über jeden Streit erhabene Thatsache war und als unabänderliche immanente Tendenz der herrschenden Wirtschaftsordnung aufgefasst wurde, war das Eintreten des alle Kulturfortschritte der bürgerlichen Gesellschaft übernehmenden und sie weiterführenden Sozialismus platterdings unmöglich. Eine Verelendung und sozialpolitische Reifwerdung der Arbeiterklasse, welche dieselbe befähigen sollte, die denkbar grossartigste soziale Umwälzung ins Werk zu setzen, schlossen einander für eine realistische Betrachtung einfach aus.

ности, но, обратно, послѣдняя исчезнетъ, когда коллективная собственность достигнетъ высокой степени развитія.

Особенно основательныя критическія сужденія объ этой гипотезѣ высказалъ П. Струве въ ст. *Die Marx'sche Theorie der sozialen Entwicklung*. Представленіе, что весь правовой строй не соответствуетъ всему социальному хозяйству,— не-реалистично: правовой строй и социальное хозяйство суть абстрактныя понятія, а не реальныя существа или отношенія. Столь же мало эмпирически обосновано и то представленіе, что развитіе общества во всѣхъ пунктахъ социальной жизни одновременно ускоряетъ невыносимыя противорѣчія, которыя какимъ-то образомъ во всемъ объемѣ устраниются,— представленіе о совершенно единообразномъ и однозначномъ развитіи всѣхъ социальныхъ феноменовъ. Весь ходъ социального развитія, по марксистской теоріи, распадается— столь рѣзко, какъ только возможно— на „критическія“ и „органическія“ эпохи: для критическихъ эпохъ признается характернымъ противорѣчіе, а для органическихъ гармонія между хозяйствомъ и правомъ. Вопреки этому нужно всегда имѣть въ виду, что 1) реальными и, значитъ, фактически дѣйствующими оказываются лишь отдѣльные хозяйственныя и правовыя феномены, какъ массовыя явленія, что, слѣдовательно, право и хозяйство имѣютъ реальное существованіе лишь въ видѣ этихъ отдѣльныхъ фактовъ, и что 2) видимость, будто отдѣльные феномены могутъ протекать всѣ одновременно по однозначной формулѣ, создается лишь вызывающимъ это предвзятое мнѣніе обобщеніемъ социальныхъ феноменовъ въ понятія „хозяйства“ и „права“. Въ реальной общественной жизни не бываетъ ни абсолютнаго противорѣчія между правомъ и хозяйствомъ, ни абсолютной гармоніи между ними, но бываютъ непрестанныя частичныя коллизіи и примиренія областей хозяйственной и правовой. Въ формѣ ихъ и чрезъ нихъ посредствомъ совершается преобразование общества. Приспособленіе права къ социальному хозяйству не прекращается ни одно мгновеніе, и развитіе экономическихъ феноменовъ не только совершается въ рамкѣ общественнаго строя даннаго времени, но это оно именно преобразуетъ эту рамку и расширяетъ ее. Понятіе социальной революціи, какъ теоретическое понятіе, не только не имѣетъ дѣйственности и цѣли, но и прямо вводитъ въ заблужденіе. Если

„соціальная революція“ должна означать всецѣлый переворотъ соціального строя, то она для современнаго мышленія представляется не иначе, какъ продолжительнымъ непрерывнымъ процессомъ соціальныхъ преобразованій. Пусть политическая революція представляетъ собою угловой камень этого развитія, производящая переворотъ, сила этого процесса ни въ малѣйшей степени не зависитъ отъ такого событія и вполне можетъ быть мыслима безъ него. Для марксистской теоріи возрастающаго противорѣчія между *правиль* и *хозяйствомъ* революція, уничтожающая это противорѣчіе, была во всякомъ случаѣ логически необходима. Для того же, кто не принимаетъ этой формулы противорѣчій въ такомъ всеобщемъ значеніи, соціальная революція не есть новое понятіе,—она есть лишь другое имя для соціальной эволюціи и ея результатовъ.

„Диалектическое“ пониманіе необходимо приводитъ къ представленію соціального преобразованія подъ значительно упрощеннымъ образомъ политической революціи. Такое представленіе дѣла рѣшительно нужно назвать грубымъ и неосновательнымъ: соціальное преобразование логически есть весьма сложный процессъ развитія, и чѣмъ больше вкладываемъ мы содержанія въ этотъ процессъ, тѣмъ труднѣе представлять его въ видѣ „революціи“. Иначе — чѣмъ крупнѣе переворотъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ исчерпываться отдѣльными революціонными актами. Дѣйствительный соціальный переворотъ предполагаетъ и содержитъ гораздо болѣе, чѣмъ отдѣльные революціонные или реформаторскіе законодательные акты обладающихъ въ данное время „политической силой“ факторовъ. Если мы подъ соціальной революціей мыслимъ всецѣлый переворотъ общественнаго строя, то мы можемъ отношеніе такой революціи къ политической, къ „революціи“, формулировать слѣдующимъ образомъ: чѣмъ революціоннѣе соціальное преобразование, тѣмъ менѣе оно можетъ быть „революціоннымъ“. Сложность и богатство содержанія исключаютъ простоту метода.

Марксъ и марксисты наивно смѣшиваютъ эволюціонизмъ и революціонизмъ. Это смѣшеніе кристаллизуется въ известной фразѣ, что простое количественное измѣненіе превращается въ новое качество,—фразѣ, которой придаютъ значеніе реальнаго объясненія событія соціальной революціи.

Между тѣмъ эта фраза есть не что иное, какъ описаніе событія посредствомъ логическихъ категорій. Истинный смыслъ этого описанія, которому некритическіе умы придаютъ мистически-діалектическое значеніе, устанавливается теоріей познанія. Струве принимаетъ установленный Кантомъ „законъ непрерывности всякаго измѣненія“, которымъ открывается теоретико-познавательное значеніе эволюціонизма. Постоянство всякаго, даже наиболѣе глубокаго, измѣненія является необходимымъ познавательнo-теоретическимъ и психологическимъ постулатомъ постижимости этого измѣненія. Эволюціонный принципъ подобенъ закону причинности: онъ служитъ общеобязательной формой, въ которой мы должны представлять себѣ глубокое измѣненіе вещей, чтобы понять его. Старое изреченіе: *natura non facit saltus* нужно, соответственно этому, измѣнить въ новую формулу: *intellectus non patitur saltus*. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе революціи не можетъ быть самостоятельнымъ теоретическимъ понятіемъ, не можетъ выражать особаго вида социальнаго преобразования. Понятіе революціи, такимъ образомъ, перемѣщается въ ту же область, къ которой философія Канта относитъ свободу воли (въ смыслѣ безпричиннаго дѣйствія), субстанціанальность души и пр.: это суть практически весьма важныя, теоретически же необязательныя понятія. „Превращеніе количества въ качество“—эта формула есть лишь иное логическое выраженіе, которымъ обозначается глубокое измѣненіе „той же самой вещи“, какъ постоянное и измѣримое. Посредствомъ этого представленія для насъ становится понятнымъ *данное* качественное измѣненіе. И если нужно доказать необходимость перехода отъ капитализма къ социализму, то слѣдуетъ представить этотъ переходъ, какъ общепонятный процессъ, т. е. какъ непрерывное и причинно-обоснованное измѣненіе общества. Съ познавательнo-теоретической точки зрѣнія совершенно ложно—при генетическомъ объясненіи социализма непримѣримо противопоставлять его капитализму, вслѣдствіе чего теоретическое доказательство его неизбежности становится прямо невозможнымъ. При обоснованіи социализма, какъ необходимой формации общества, дѣло идетъ—такъ какъ капитализмъ есть въ дѣйствительности данное, а социализмъ имѣющее произойти—не о томъ, чтобы отыскать то, что раздѣляетъ обѣ формации, а о томъ, что—наоборотъ—ихъ свя-

зываетъ ¹⁾). Съ теоретической, т. е. эволюционно-исторической точки зрѣнія излюбленное въ марксистской литературѣ указаніе на полное существенное различіе социализма и капитализма и на невозможность осуществленія социализма въ рамкахъ капиталистическаго общества и его средствами есть инстанція противъ исторической необходимости и даже противъ возможности социализма. Чтобы доказать необходимость этого страстно желаемаго невозможнаго, призывается на помощь социальное чудо—социальная революція, которая присущею ей творческою силою реализуетъ переходъ количества въ качество. Во всей этой концепціи заключается странное противорѣчіе: существенное различіе капитализма и социализма необходимо требуетъ социальной революціи, а послѣднюю (превращеніе количества въ качество) отвлеченно предполагается непрерывный переходъ отъ капитализма къ социализму, который исключается ихъ существеннымъ различіемъ.

Теорію крушенія, или теорію социальной революціи, пужно по обоснованному заключенію Струве, признать логически-отвлеченно несостоятельнымъ ученіемъ. Она оказывается отреченіемъ отъ реалистическаго воззрѣнія марксизма ²⁾).

Критика принципиальная. Принципиальная критика экономическаго ученія Маркса ставитъ вопросъ: обосновывается ли этимъ ученіемъ неизбежность наступленія социалистическаго строя? И чтобы не поставить отрицательный отвѣтъ на этотъ

¹⁾ Эта же мысль внимательно развѣивается Гаммахеромъ. Онъ указываетъ не только на методологическую ошибку марксизма, но и на фактическую связь социализма съ капитализмомъ, отрицающую всякое оправданіе у теоріи крушенія. Онъ пишетъ: *Ironie der Geschichte hat gewollt, dass das Heilmittel der Organisation, das nach Marx nur die revolutionäre Tat des Proletariats verwirklichen konnte, von den Unternehmern selbst annektiert ist. Damit ist aber einer Verbindung von Kapitalismus und Sozialismus von selbst die Bahn eröffnet. Indem langsam der liberale Individualismus zurückweicht, beginnen die Gegensätze zwischen beiden als Wirtschaftsformen überhaupt zu verblassen und zu verschmelzen.*

Ср. также названнаго у него Хауманна *Neudeutsche Wirtschaftspolitik* и *Das Schicksal des Marxismus* въ *Neue Rundschau* 1908.

²⁾ Die sogenannte „Zusammenbruchstheorie“ oder die Theorie von der sozialen „Revolution“ hat sich somit für uns als eine logisch-begrifflich unhaltbare Lehre erwiesen. Sie bedeutet konsequent durchdacht eine Absage von der realistischen Grundansicht des Marxismus.

вопросъ въ зависимость отъ какихъ-либо случайныхъ промаховъ въ обосноваіи, мы придаемъ вопросу болѣе рѣшительную форму: можно ли научно доказать историческую необходимость наступленія тѣхъ или другихъ социальныхъ порядковъ? Въ этомъ конкретномъ вопросѣ скрываются два имѣющихъ философскій интересъ, общихъ вопроса: во-первыхъ, можно ли построить цѣль и планъ социальной дѣятельности на основаніи познанныхъ фактовъ и законовъ социальной дѣйствительности? во-вторыхъ, возможно ли научное предвидѣніе социального будущаго? Философскій смыслъ этихъ двухъ вопросовъ выражается такъ: можно ли рационализировать социальную жизнь этими двумя путями—путемъ познанія законовъ дѣйствительности и путемъ предвидѣнія будущаго? Этотъ вопросъ мы разсмотримъ въ ближайшемъ отношеніи его къ теоріямъ марксизма,—отправляясь отъ нихъ и возвращаясь къ ихъ критикѣ.

Отправной пунктъ для насъ въ томъ обстоятельствѣ, что ввѣчающая всѣ экономическія теоріи Маркса теорія крушенія имѣетъ двѣ стороны, состоитъ изъ двухъ идей: во-первыхъ, идея крушенія капиталистическаго строя, какъ естественнаго процесса, совершающагося по неумолимымъ законамъ, независимо отъ человѣческой воли, и, во-вторыхъ, идея социальной революціи, совершаемой пролетаріатомъ. Эти стороны теоріи нужно было бы разсматривать раздѣльно. Можно было бы сказать: мы разсмотрѣли первую сторону теоріи, теперь намъ нужно обсудить вторую сторону. Но дѣло въ томъ, что первая сторона теоріи марксизма не отдѣлима отъ второй, что первая идея, хотя ее можно обсуждать абстрактно, вся сводится, въ цѣломъ, къ второй идеѣ. Мы утверждаемъ, что теорія крушенія помимо того, что она не соответствуетъ реалистическому воззрѣнію марксизма, не обосновываетъ исторической необходимости социалистическаго будущаго потому, что она въ послѣднемъ итогѣ весь процессъ поставляетъ въ зависимость отъ сознанія, отъ психики, отъ воли пролетаріата.

Уже при механическомъ расчлененіи теоріи крушенія видно, что крушеніе капиталистическаго строя, экспроприація экспроприаторовъ, представляетъ собою, по второй сторонѣ теоріи, планъ, который нужно выполнить пролетаріату для реализаціи социалистическаго обществита. Нельзя сказать, что „эта

экспроприация совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства“; итъ, совершается эта экспроприация пролетариатомъ, а „дѣйствіемъ имманентныхъ законовъ капиталистическаго производства“ она лишь готовится, обусловливается. Если продумать составъ этой теоріи, если логически опредѣлить взаимное отношеніе факторовъ соціальной революціи, то будетъ очевидно, что единственный субъектъ изъ числа этихъ факторовъ есть пролетариатъ, а другой факторъ—„имманентные законы капиталистическаго производства“—по отношенію къ нему есть лишь путь его дѣйствій. Объединительная формула теоріи должна быть такова: экспроприация экспроприаторовъ совершится пролетариатомъ по имманентнымъ законамъ капиталистическаго производства. „Необходимость естественнаго процесса“, съ которою „отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ“, въ послѣднемъ моментѣ процесса, во всякомъ случаѣ, смѣняется активнымъ участіемъ пролетариата. „Когда—по словамъ Каутскаго—говорять о непреодолимости и стихійной необходимости процесса общественнаго развитія, то само собою предполагается, что люди суть люди, а не бездушные автоматы,—люди съ опредѣленными потребностями, съ опредѣленными физическими и духовными силами, которыя они стараются примѣнить для собственнаго блага. Пассивно подчиняясь тому, что кажется неизбѣжнымъ, мы вовсе не предоставили бы общественному развитію идти своимъ путемъ, но привели бы его къ застою. Никогда еще соціальная революція не совершалась незамѣтно и безъ дѣятельнаго вмѣшательства наиболѣе угнетенныхъ господствующимъ строемъ“. Поэтому *Коммунистическій манифестъ* „непосредственною целью коллективистовъ“ ставитъ—„организацию пролетаріевъ въ классовую партію, лишеніе буржуазіи господства, пріобрѣтеніе пролетариатомъ политическаго власти“. Пролетариатъ—могильщики буржуазіи, если онъ захочетъ выкопать ей могилу, если онъ захочетъ „побѣдить“, если онъ захочетъ, по крайней мѣрѣ, толкнуть падающаго.

Если мы отъ механическаго расчлененія и объединенія теоріи крушенія перейдемъ къ болѣе глубокому, психологическому опредѣленію взаимнаго отношенія факторовъ соціальной революціи, то мы встрѣтимся съ дилеммой: или цель и

планы субъекта этого социального процесса представляют собою всецело результат познания данных материальных основ социальной жизни, познания законов общественного развития, или же они определяются личными интересами, их столкновением и их комбинациями. Идеи научного социализма соответствуют первое предположение. Самая научность социализма состоит в признании возможности определять общественные цели на основании познания законов социального развития. Эта мысль раскрывается во всем экономическом учении Маркса; она высказывается Марксом и в отдельных тезисах. Так в *Die heilige Familie* он пишет: „Частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к собственной гибели, но только путем независимого от нея, безсознательного, против ее воли происходящего и природой самого дѣла обусловленного развития, только путем порождения на свет пролетариата, *как* пролетариата,—этой сознающей свою духовную и физическую нищету нищеты, этой сознающей свою отверженность и тѣм самым себя самое упраздняющей самоотверженности... Дѣло не в томъ, в чемъ в данный моментъ *видитъ* свою цель отдельный пролетарій или даже весь пролетариатъ. Дѣло в томъ, *что такое* пролетариатъ на самомъ дѣлѣ, и что онъ, согласно этой своей *сущности*, исторически вынужденъ будетъ дѣлать. Его цель и его историческая миссія самымъ яснымъ и неоспоримымъ образомъ предугадываются его собственнымъ жизненнымъ положениемъ, равно какъ и всей организацией современного буржуазнаго общества“. Эту же мысль съ полною ясностью высказываетъ Каутскій. Мы уже видѣли, что онъ в *Эрфуртской программѣ* называетъ данное имъ изображеніе будущаго социалистическаго общегитія „не изобрѣтеніемъ рецептовъ для кухни будущаго, а научной переработкой данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ определенныхъ фактовъ“. Еще рѣшительнѣе онъ пишетъ в разсужденіи объ *этихъ и материалистическомъ пониманіи исторіи*. Здѣсь онъ говоритъ, что наши общественныя цели должно сознательно, систематически и послѣдовательно определять социальнымъ познаніемъ. „Направленіе общественнаго развитія въ дѣйствительности зависитъ не отъ нашего нравственнаго идеала, а отъ определенныхъ данныхъ материальныхъ условій. Эти материальныя

Условия до известной степени опредѣляли еще въ ранніе періоды нравственное хотѣніе, общественныя цѣли классовъ, стремящихся къ улучшенію своего положенія, но, по большей части, это происходило безсознательно. Но если даже сознательное, направляющее социальное познание и было налицо, какъ, напр., въ восемнадцатомъ столѣтіи, все-же оно дѣйствовало на созданіе общественныхъ цѣлей несистематично и непослѣдовательно“. Предложенное марксизмомъ истолкованіе социальнаго развитія „впервые научило насъ устанавливать наши общественныя цѣли исключительно, опираясь на познание данныхъ матеріальныхъ основъ“. Никакому нравственному идеалу „нѣтъ мѣста въ *научномъ* социализмѣ, научномъ изслѣдованіи законовъ движенія развитія общественнаго организма въ цѣляхъ познанія *необходимыхъ* тенденцій и цѣлей пролетарской классовой борьбы“. По словамъ Бернштейна ¹⁾, „германская социалдемократія признаетъ въ настоящее время теоретическимъ обоснованіемъ своей дѣятельности выработанное Марксомъ и Энгельсомъ ученіе, названное ими научнымъ социализмомъ. Это должно означать, что въ то время, какъ социалдемократія, въ качествѣ боевой партіи, представляетъ известныя интересы и тенденціи и борется за поставленныя себѣ цѣли, она при опредѣленіи этихъ цѣлей признаетъ въ послѣднемъ, конечномъ счетѣ только данныя, могущія быть доказанными объективно и основанныя только на опытѣ, на логикѣ и подобныхъ имъ доказательствахъ“.

Такъ научный социализмъ подводитъ насъ къ первому изъ поставленныхъ вопросовъ: можно ли построить цѣль и планъ социальной дѣятельности на основаніи познанныхъ фактовъ и законовъ социальной дѣйствительности? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Экономическая цѣль непосредственно опредѣляется нашими желаніями, нашими интересами, нашими нравственными чувствами, или, какъ говорятъ, нашими идеалами, а внѣшнія условия и социальные законы, составляющіе объектъ социально-историческаго познанія, служатъ лишь средствомъ, которымъ мы пользуемся для достиженія своихъ цѣлей. Такъ и понимаетъ отношеніе социально-историческихъ факторовъ историкъ Ключев-

¹⁾ *Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgabe der Socialdemokratie.*

скій. „Люди иногда чувствуют неловкость своего положенія, тяжесть общественнаго порядка, въ которомъ живутъ, но не умѣютъ ни опредѣлить, ни объяснить отчетливо этой тяжести и неловкости. Историческое изученіе вскрываетъ не правильности въ складѣ общества, больно и смутно чувствуемья людьми, указываетъ ненормальное соотношеніе какихъ-либо общественныхъ элементовъ и его происхожденіе и даетъ возможность сообразить средства возстановленія нарушеннаго равновѣсія“¹⁾. Для опредѣленія цѣли историческое познаніе имѣетъ лишь то значеніе, что оно ограничиваетъ область возможнаго, что оно изъ ряда цѣлей или идеаловъ, не имъ созданныхъ, заставляетъ выбирать какую-либо одну цѣль, какъ единственную осуществимую при данныхъ условіяхъ. „Наші идеалы“, говоритъ тотъ же историкъ, „пригодны не для всѣхъ, не всегда и не вездѣ. Чтобы знать, какіе изъ нихъ и въ какой мѣрѣ могутъ быть осуществлены въ извѣстномъ обществѣ и въ извѣстное время, надобно хорошо изучить наличный запасъ силъ и средствъ, какой накопило себѣ это общество“. Цѣль должна быть возможною, чтобы быть разумною: она должна сообразоваться съ законами социальнаго развитія, но активность создается не познаніемъ этихъ законовъ, а интересами и идеалами. Отношеніе нашей практики къ социальнымъ законамъ то же самое, что и ея отношеніе къ природнымъ законамъ²⁾. Мы хотимъ построить мостъ черезъ рѣку въ извѣстномъ мѣстѣ: возможно ли это, покажетъ изученіе законовъ механики въ примѣненіи къ данному строительному матеріалу и данной мѣстности. Но какъ бы ни были несомнѣнны эти законы, изученіе ихъ не породитъ само по себѣ желанія построить мостъ въ этомъ мѣстѣ: желаніе привходитъ къ познанію изъ сердца. То же и въ отношеніи къ социальнымъ законамъ: и социальное познаніе не можетъ служить единственнымъ.

1) *Курсъ русской исторіи.*

2) Вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ можно говорить о социально-историческомъ законѣ, у насъ изслѣдуется ниже. Теперь мы употребляемъ этотъ терминъ съ такимъ значеніемъ, которое не противорѣчило бы ни одной изъ извѣстныхъ теорій социально-историческаго процесса, которое не предполагаетъ спеціальной научной теоріи. Тѣмъ менѣе, конечно, мы обязаны считаться съ теоріей контингентности законовъ природы, о которой см. и проф. Введенскаго *Очеркъ современной французской философіи.*

источникомъ, единственнымъ объясненіемъ соціальной практики. Основательное сужденіе по этому вопросу мы читаемъ въ книгѣ Штаммера ¹⁾. „Если бы соціальное развитіе состояло *исключительно* въ единомъ цѣлостномъ естественномъ процессѣ соответственно каузальной необходимости, то всякое сознательное рѣшеніе слѣдовать *ему* было бы просто-напросто безсмыслицей. Совершенно то же, что сознательное рѣшеніе вертѣться вмѣстѣ съ землею вокругъ солнца. Здѣсь какъ разъ неясно выражены и смѣшаны воедино два различныхъ и другъ друга исключающихъ, противоположныхъ класса въ возможномъ содержаніи нашихъ представлений. Одно изъ двухъ: *или я познаю* явленіе и движеніе въ его естественной необходимости и на особыхъ основаніяхъ предвижу каузально неизбѣжный результатъ,—тогда вообще по отношенію къ этому естественному процессу нѣтъ болѣе мѣста ни волѣ, ни рѣшенію. *Или же я имѣю твердое рѣшеніе и волю* достигнуть извѣстнаго результата,—тогда здѣсь, въ сущности, заключается такой моментъ, который свидѣтельствуетъ, что непреложная естественная необходимость даннаго событія еще не познана, какъ несомнѣнная и достоверная. Совершенно вѣрно: фактически мы имѣемъ волю и рѣшеніе,—это несомнѣнный фактъ, который доказывается всякимъ актомъ самоуглубленія,—фактъ, установленный въ содержаніи нашихъ представлений. И несомнѣнно, что соціальныя стремленія такого рода, благодаря возможности познать каузальную связь между феноменами общественныхъ движеній, ни въ какомъ случаѣ не кажутся противорѣчивыми или сами по себѣ бессмысленными. Ибо и здѣсь повторяется то же самое: *опытъ*, въ качествѣ научнаго познанія, есть не что иное, какъ объединеніе наличныхъ воспріятій подъ однимъ общимъ угломъ зрѣнія: но идея имѣющаго быть сдѣланнымъ *выбора* и имѣющей быть установленной цѣли по своему содержанію совершенно отлична отъ идеи такихъ представлений, которыя являются воспріятіями, и ея дальнѣйшее изслѣдованіе подчинено особому закону. Но поскольку это, дѣйствительно, признано—а гдѣ этого

¹⁾ *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung=* Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи.

нѣтъ въ человѣческой жизни! — поскольку вообще приходится допустить и признать социальныя *стремленія* въ полномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ самымъ уже покинута почва исключительно каузальнаго изслѣдованія. Простое *познаніе* каузально познанныя процесса не допускаетъ никакого *стремленія*. А гдѣ есть стремленіе и воля, тамъ представляемый ими себѣ результатъ не можетъ быть понятъ, какъ фактъ, объясненный по закону причинности“. Вообще, говоря словами Мюнстерберга ¹⁾, „никакое въ мірѣ знаніе фактовъ не можетъ сказать намъ, что мы должны дѣлать, и никакая наука не можетъ показать намъ, каковы должны быть наши намѣренія и наши обязанности, наши цѣли и наши идеалы. Мы хотимъ довѣрять только фактамъ и въ своей слѣпотѣ не видимъ основнаго факта, что факты имѣютъ цѣльность лишь тогда, когда служатъ для достиженія какихъ-либо конечныхъ цѣлей, которыя воля должна создать и которыхъ никакое знаніе не даетъ“. Струве ²⁾ для сознанія объективныхъ явленій хозяйства употребляетъ терминъ лимитаціи въ отличіе отъ мотиваціи: хозяйствующій субъектъ ими не *мотивируется*, а *лимитируется*. Также Туганъ-Барановскій ³⁾: „идеаль даетъ намъ верховныя цѣли нашей дѣятельности, наука указываетъ средства для осуществленія этихъ цѣлей и снабжаетъ насъ вѣрнымъ критеріемъ для опредѣленія, что въ нашихъ цѣляхъ и въ какой мѣрѣ осуществимо“ ⁴⁾.

¹⁾ *Психологія и учитель.*

²⁾ *Жизнь* 1900 г.

³⁾ *Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма.*

⁴⁾ Также Фулье *Le socialisme et la sociologie réformiste: La vraie science sociale n'est à l'avance ni socialiste ni individualiste. Elle étudie d'abord le réel et s'efforce,—tâche déjà énorme—d'en saisir tous les principaux éléments, toutes les lois dominantes, ainsi que les grandes réactions des faits sociaux les uns sur les autres. Quand elle devient sociologie appliquée, elle cherche ce qui est désirable au point de vue juridique, moral, économique; puis elle se demande quelles modifications de la réalité sont actuellement possibles en vue de cet idéal.*

С Булгаковъ *Философія хозяйства*: „Соціальная политика, какъ видъ техники, въ силу дѣйствительнаго своего характера направляется волей: она ставитъ идеалы политики, наука же лишь консультируется относительно средствъ, а не цѣлей.

Даже Плехановъ *Отъ обороны къ нападенію*: „Человѣкъ можетъ по-

Если мы приложимъ эти общія сужденія къ научному социализму, то мы будемъ вынуждены различать въ немъ то, что онъ самъ въ себѣ „видитъ“, и то, что такое научный социализмъ „на самомъ дѣлѣ“, что онъ представляетъ изъ себя „въ своей сущности“.

Научный социализмъ отличается себя отъ социализма утопическаго въ томъ смыслѣ, что-де утописты создавали планъ будущаго общества всецѣло изъ своей головы, не сообразуясь съ дѣйствительностью, тогда какъ научный социализмъ улавливаетъ планъ новаго общества въ чертахъ данной дѣйствительности. Такъ пишетъ Энгельсъ въ Антидюрингѣ. „Утописты были утопистами потому, что они не могли быть ничѣмъ инымъ въ ту эпоху, когда капиталистическое производство было еще такъ слабо развито. Они вынуждены были конструировать элементы новаго общества изъ своей головы, ибо эти элементы еще не выступали явно для всѣхъ въ самомъ старомъ обществѣ; при начертаніи плана новаго зданія они ограничивались обращеніемъ къ разуму, ибо они еще не могли апеллировать къ современной имъ исторіи“ ¹⁾.

знать истину путемъ изученія законовъ природы и осуществить свои идеалы, опираясь на эти законы“.

Вспомнимъ, что затронутая здѣсь проблема издавна съ особымъ вниманіемъ обсуждается исторической школой политической экономіи. Такъ Кауцъ *Die National-Oekonomik als Wissenschaft; Was wir thun können und thun dürfen, ist die Feststellung von concreten, geschichtlichen, progressiven, Idealen und Musterbildern, durch welche auf das gerade hier und gerade jetzt Leistbare, Mögliche und Erreichbare hingewiesen würde. Bei aller Beachtung der Schranken und Grenzen der Menschennatur im Allgemeinen, so wie auch aller Besonderheiten und Eigenthümlichkeiten der einzelnen Völker und Staatenkreise, werden wir hiedurch einerseits den Blick für das Historisch-Gegebene und das Ideal-Geforderte gleichmässig offen halten, andererseits dem freien „schöpferischen“ Elemente des Menschengestes seine volle Berechtigung wahren, zugleich aber auch die fundamentale und bedeutsame Thatsache vor Augen halten, dass nur das jeweilig Mögliche, Realisirungsfähige und Erreichbare ins Auge gefasst werde und die Theorie der National-Oekonomik zur Erkenntniss jener besonderen Wege, Veranstaltungen und Mitteln leite, welche für die organisch sich entwickelnde Menschheit und die einzelnen Völker, nach den verschiedenen Lebensaltern und nationalen Eigenthümlichkeiten verschieden sind u. s. w.*

¹⁾ Осторожнѣе говоритъ Марксъ въ *Нищета философіи*: „Пока пролетаріатъ еще недостаточно развитъ, чтобы конституировать въ классъ, пока, слѣдовательно, самая борьба пролетаріата съ бурж.“

Такъ смѣрять на себя научный социализмъ, но не то онъ въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ невозможно опредѣлить социальныя цѣли всецѣло изъ социального познанія безъ обращенія къ сферѣ желаній, интересовъ, идеаловъ,—и научный социализмъ въ дѣйствительности не представляетъ *такого* опредѣленія социальныхъ цѣлей. Научный социализмъ не можетъ отличаться и не отличается отъ утопическаго отношеніемъ къ идеалу, къ оцѣнкѣ дѣйствительности,—въ этомъ отношеніи оба социализма равны; научный социализмъ можетъ претендовать на отличіе отъ утопическаго единственно по своему отношенію къ средствамъ и условіямъ реализаціи социального идеала. Утопическій социализмъ набрасывалъ планы идеальнаго строя совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ нынѣ научный социализмъ, т. е. исходя изъ желаній, идеаловъ; но утописты изъ множества роящихся въ головахъ людей плановъ, скажемъ, не дѣлали выбора возможнаго плана по вниманію къ законамъ, управляющимъ реальною жизнью общества, а новѣйшіе социалисты, скажемъ, дѣлаютъ этотъ выборъ: въ этомъ все отличіе научнаго социализма отъ утопическаго ¹⁾. Иначе сказать, это отличіе возникаетъ только по вопросу о возможности, но

еще не носить политическаго характера, а производительныя силы еще недостаточно развились въ нѣдрахъ самой буржуазіи, чтобы позволить предусмотрѣть матеріальныя условія, необходимыя для эмансипаціи пролетаріата и для образованія новаго общества, до тѣхъ поръ теоретики (пролетаріата) являются только утопистами, которые, желая удовлетворить потребностямъ угнетенныхъ классовъ, выдумываютъ системы и ищутъ возрождающей науки“...

¹⁾ Утописты, какъ говоритъ хорошо Бернштейнъ (*Zur Geschichte und Theorie des Socialismus*—*Очерки изъ исторіи и теоріи социализма*), „ошибались относительно данныхъ средствъ и существующихъ возможностей“. Однако и утопическій социализмъ, по вѣрному наблюденію Проккоповича (*Проблемы социализма*), никогда не былъ всецѣло порожденіемъ головы,—всѣ утопическіе проэекты идеализировали какіе-нибудь дѣйствительныя порядки, дѣйствительныя опыты. „Государство“ Платона представляетъ собою лишь развитіе и идеализацію существовавшихъ въ Спаргѣ и на Критѣ общихъ трапезъ, коммунизмъ Г. Мора, Морелли и Бабѣфа является идеализаціей дворовыхъ общинъ средневѣковыхъ крестьянъ, социализмъ Фурье и Луи Блана—идеализаціей производительныхъ ассоціацій сыроваровъ и ремесленниковъ, государственный социализмъ Базара, Пеккѣра (и Маркса)—идеализаціей государственныхъ промышленныхъ предпріятій новѣйшаго времени.

никакъ не по вопросу о необходимости будущаго общества. Вѣрно говоритъ Струве ¹⁾: „Идеаль (утопическій) остался (въ научномъ социализмѣ) неизмѣннымъ (сравнительно съ утопизмомъ); измѣнился лишь взглядъ на условія его реализаціи. Самъ же идеаль стоитъ внѣ науки или, если хотите, выше ея, хотя и нуждается въ научной санкціи. Какъ душа нуждается въ тѣлѣ, такъ идеаль нуждается въ томъ, чтобы на его сторонѣ стояла дѣйствительность, чтобы ему, въ силу необходимаго хода вещей, принадлежало будущее. Иначе можно выразиться такъ: идеальная цѣль всегда нуждается въ *реальной* связи съ *реальнымъ* средством“. Поэтому, научный социализмъ „не претендуетъ давать отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать? Этотъ вопросъ рѣшается въ другой инстанціи—интересовъ и идеаловъ. Онъ говоритъ лишь: какъ дѣлать“ ²⁾.

Это сужденіе о социализмѣ приложимъ, въ частности и конкретнѣе, къ двумъ пунктамъ научно-социалистической теоріи: во-первыхъ, къ оцѣнкѣ въ этой теоріи активной роли пролетаріата и, во-вторыхъ, къ значенію идеальнаго элемента въ собственныхъ научно-экономическихъ взглядахъ марксизма.

Мы видѣли, что при исчисленіи факторовъ социальной революціи марксизмъ къ дѣйствию имманентныхъ законовъ капиталистическаго производства присоединяетъ выступленіе въ послѣднемъ актѣ революціи пролетаріата. Мы далѣе видѣли, что *въ своихъ формулахъ* марксизмъ смотритъ на социальную революцію какъ на естественный процессъ и, соотвѣтственно этому, признаетъ цѣли пролетаріата вытекающими съ естественною необходимостью изъ данной хозяйственной организаціи современнаго общества. Между тѣмъ *на дѣлѣ*, въ детальномъ раскрытіи своихъ взглядовъ, въ конкретномъ описаніи разныхъ фазисовъ социальной революціи, марксизмъ отводитъ пролетаріату, и именно его со-

¹⁾ На разныхъ темы (ст. Свобода и историческая необходимость).

²⁾ Хорошо сказано и у Прокоповича въ *Проблемахъ социализма*: „И послѣ захвата политической власти пролетаріатъ можетъ воспользоваться наукою только какъ служебнымъ орудіемъ, а не руководящимъ принципомъ. Руководящимъ принципомъ останутся интересы, нужды людей“.

знанію—его интересамъ, нравственнымъ чувствамъ, идеаламъ, болѣе активную и болѣе самобытную роль.

И, прежде всего, данная хозяйственная организація, которая описывается какъ будто объективно, объясняется какъ будто каузально,—въ дѣйствительности освѣщается въ этихъ описаніяхъ, въ марксистскихъ теоріяхъ, съ субъективной точки зрѣнія. Съ чисто объективной стороны социальныя законы всецѣло входятъ въ область каузальной необходимости, но съ точки зрѣнія субъекта социального дѣйствія, въ данномъ случаѣ пролетаріата, они составляютъ лишь средство социального дѣйствія, условіе реализаціи желаній, они дѣлаютъ возможнымъ социальное дѣйствіе, достиженіе идеаловъ. Во всѣхъ экономическихъ теоріяхъ, которыя увѣнчиваются теоріей крушенія и составляютъ ея базисъ и ея содержаніе,—въ теоріи прибавочной цѣнности, въ теоріи накопленія и сосредоточенія капитала, концентраціи производства, организація капиталистическаго хозяйства оцѣнивается съ той стороны, что она дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе социалистическихъ идеаловъ пролетаріата. Марксистская формула провозглашаетъ: „буржуазія производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбежны“. Эта неизбежность, оказывается, имѣетъ единственно тотъ *реальный* смыслъ, что организація труда, неизбежная для капиталистическаго производства, дѣлаетъ вполне мыслимымъ, возможнымъ наступленіе социалистическаго строя. Этотъ реальный смыслъ названныхъ теорій и раскрываетъ Энгельсъ въ *Антидюрингъ*. „Переходъ всѣхъ средствъ производства въ руки общества нерѣдко со времени выступленія въ исторіи капиталистическаго способа производства, предносился, болѣе или менѣе неясно, какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ фракціямъ въ качествѣ будущаго идеала. Но переходъ этотъ сталъ впервые возможнымъ (*erst möglich*), сдѣлался впервые историческою необходимостью, когда оказались налицо матеріальныя условія его осуществленія (*die materiellen Bedingungen ihrer Durchführung*). Какъ и всякій иной общественный прогрессъ, онъ становится выполнимымъ (*wird ausführbar*) не вслѣдствіе наступившаго пониманія того, что существованіе классовъ противорѣчитъ справедливости, равенству и т. д., не вслѣдствіе простаго желанія уничтожить раздѣленіе на классы,

но вслѣдствіе извѣстныхъ новыхъ экономическихъ условий. Распаденіе общества на эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ, на господствующій и угнетенный классы было необходимымъ слѣдствіемъ прежняго незначительнаго развитія производства“. Когда продукты общественнаго труда едва превышали удовлетвореніе насущныхъ потребностей, тогда на ряду съ членами общества, всецѣло погруженными въ работу, долженъ былъ, по мысли Энгельса, существовать незначительный классъ людей, свободныхъ отъ заботъ о насущномъ пропитаніи и имѣющихъ возможность посвятить себя руководству трудомъ, государственнымъ дѣламъ, юстиціи, наукъ, искусствамъ и т. д. „Но если, такимъ образомъ, раздѣленіе на классы имѣетъ извѣстное историческое оправданіе, то оправданіе это имѣло силу лишь для данного времени, для данныхъ общественныхъ условий. Раздѣленіе на классы основывалось на незначительности производства, но оно будетъ отмѣнено вслѣдствіе полного развитія новѣйшихъ производительныхъ силъ“. Существованіе господствующаго класса становится излишнимъ. „Этотъ моментъ теперь и наступилъ... Возможность обезпечить посредствомъ общественнаго производства всѣмъ членамъ общества такое существованіе, которое не только матеріально вполне удовлетворительно и со дня на день становится богаче, но и гарантируетъ имъ также полное безпрепятственное раскрытіе и проявленіе ихъ тѣлесныхъ и духовныхъ задатковъ, эта возможность теперь впервые осуществилась, но уже осуществилась“¹⁾.

Тѣмъ болѣе другія экономическія теоріи марксизма—теорія кризисовъ и теорія обнищанія рабочихъ—какое имѣютъ онѣ значеніе безъ отношенія къ субъективной оцѣнкѣ? По данному выше изложенію этихъ теорій, кризисы и обнищаніе рабочихъ свидѣтельствуютъ и доказываютъ, что „общество не можетъ болѣе существовать подъ господствомъ буржуазіи“, что „буржуазія неспособна выполнять роль пра-

¹⁾ Die Möglichkeit, vermittelt der gesellschaftlichen Produktion allen Gesellschaftsgliedern eine Existenz zu sichern, die nicht nur materiell vollkommen ausreichend ist und von Tag zu Tag reicher wird, sondern die ihnen auch die vollständige freie Ausbildung und Bethätigung ihrer körperlichen und geistigen Anlagen garantiert, diese Möglichkeit ist jetzt zum erstenmal da, aber sie ist da.

владѣющаго класса“. По словамъ Энгельса въ *Антидюрингъ*, „съ одной стороны, капиталистическій способъ производства приводитъ къ убѣжденію (wird überführt) въ своей собственной неспособности къ дальнѣйшему управленію производительными силами; съ другой стороны, эти производительныя силы сами требуютъ съ возрастающей энергіей освобожденія ихъ отъ ихъ свойства быть капиталомъ, *фактическаго признанія ихъ характера, какъ общественныхъ производительныхъ силъ*. Именно это противодѣйствіе, оказываемое могущественно развивающимися производительными силами ихъ капиталистическому характеру, это возрастающее принужденіе къ признанію (Zwang zur Anerkennung) ихъ общественной природы, все болѣе и болѣе заставляетъ (nöthigt) самый классъ капиталистовъ обращаться съ ними какъ съ общественными производительными силами, поскольку это вообще возможно внутри капиталистическихъ отношеній“. Что все это значитъ? Да единственно то, что кризисы и обнищаніе рабочихъ служатъ мотивами къ измѣненію общественнаго строя. Какъ бы ни ударила Энгельсъ на моментъ принужденія, называя кризисы понудительнымъ средствомъ къ общественному перевороту (Zwangsmittel der gesellschaftlichen Umwälzung), ему не затѣнать скрывающагося здѣсь указанія на моментъ мотиваціи. Тѣмъ рѣшительнѣе это можно сказать о значеніи обнищанія рабочихъ для самого пролетаріата. Здѣсь можетъ быть рѣчь не о чемъ иномъ, какъ только о мотивахъ; въ мотиваціи ни о какой стихійной неизбѣжности здѣсь нѣтъ основаній говорить. И когда Марксъ пишетъ, что „буржуазія не можетъ править потому, что неспособна обезпечить существованіе своему рабу“, и Энгельсъ повторяетъ за нимъ, что „только теперь господствующій и эксплуатирующій классъ сталъ излишнимъ, сталъ даже препятствіемъ для общественнаго развитія, и теперь только онъ неумолимо устраняется, хотя и имѣетъ въ своемъ распоряженіи непосредственную силу“, то они просто не договариваютъ своей мысли. Мысль марксизма до конца договариваетъ Каутскій, какъ бы проговариваясь въ своемъ отрицательномъ отзывѣ о книгѣ Менгера *Neue Sittenlehre*,—извѣстно, какъ много охотниковъ замѣчать сучекъ въ глазъ другого, не чувствуя бревна въ собственномъ глазу. Каутскій пишетъ: „Если бы Менгеръ былъ правъ въ своемъ объясненіи нравственности.

Если бы послѣдняя дѣйствительно вытекала изъ *матеріальнаго принужденія*, которое въ состояніи производить различныя социальныя факторы власти, то всякое социальное развитіе было бы невозможнымъ. Ибо оно вытекаетъ изъ протеста поднимающихся классовъ противъ тѣхъ, которые пользуются политической властью. А политическая или социальная борьба немыслима безъ нравственнаго возмущенія по адресу противника. Откуда взяться ему, если принудительная сила власть имущихъ производитъ нравственность? Можетъ быть, укажутъ на то, что политическія и экономическія организаціи поработенныхъ также могутъ обнаружить извѣстную принудительную силу, которая въ этомъ случаѣ порождаетъ оппозиціонную нравственность. Но безъ предшествующаго нравственнаго возмущенія развитіе оппозиціонныхъ организацій поработенныхъ классовъ совсѣмъ немыслимо. Нравственное возмущеніе по отношенію къ господствующимъ—первоначальная форма, въ которой выражается оппозиція развивающагося класса. Оно составляетъ основаніе всякой иной формы оппозиціи, и когда какой-нибудь классъ, уже опустившійся, давно пересталъ оказывать политическое и социальное сопротивленіе навязанному ему новому режиму, онъ еще долго сохраняетъ въ своемъ нравственномъ сознаніи протестъ противъ этого режима. Нравственное возмущеніе противъ даннаго политическаго и социальнаго положенія, противъ матеріальнаго принужденія со стороны социальныхъ властей, это первая и послѣдняя основная форма явленія классоваго противорѣчія, самая примитивная и самая продолжительная побудительная причина классовоі боръбы" ¹⁾.

Дѣло ясное: марксизмъ, не удерживаясь въ чистой области объективнаго познанія, упирается въ другую область—интересовъ, нравственнаго чувства, идеаловъ. Онъ находитъ себя вынужденнымъ считаться съ морально-психическимъ началомъ и разсчитывать на него. Въѣсть съ однимъ критикомъ мы можемъ сказать, что поставленная Марксомъ проблема не есть проблема логики, но проблема психоло-

¹⁾ Нравственное ученіе социализма, въ частности Менгера и Клаутскаго, у насъ обсуждается ниже. Еще разъ мы разсмотримъ и приведенный отрывокъ.

гін ¹⁾. Соціально-психическій элементъ есть элементъ неустойчивый, колеблющійся, измѣнчивый, не поддающійся рационализаціи.

Мы теперь поставимъ вопросъ,—который могли бы поставить, или повторить, и нѣсколько ниже ²⁾,—вопросъ: какимъ же образомъ научный социализмъ, не взирая на этотъ соціально-психическій элементъ своей системы, считаетъ возможнымъ настаивать на исторической неизбежности социалистической организаціи хозяйства, т. е. приписывать детерминистическій характеръ всему соціально-экономическому процессу? На этотъ вопросъ отвѣтить можно. Мы видимъ, что цѣлый соціально-экономическій процессъ имѣетъ дуалистическій составъ, образуется изъ двухъ элементовъ: элемента логически - объективнаго, допускающаго образованіе законовъ соціально-экономической жизни, и элемента субъективно-психическаго, не поддающагося такой рационализаціи ³⁾. Научный социализмъ смѣши-

¹⁾ Das durch Marx gestellte Problem ist nicht ein solches der Logik, sondern der Psychologie. W. Wagner въ *Arch. f. syst. Phil.* XVII.

²⁾ Послѣ того, какъ укажемъ на присутствіе идеализма въ научно-социалистической системѣ и рассмотримъ вопросъ о возможности историческихъ предсказаній.

³⁾ Чичеринъ *Философія права* говоритъ о естественной и свободной сторонахъ экономической жизни. Съ одной стороны, „дѣйствіе личнаго интереса въ экономической области не зависитъ вполнѣ отъ человѣческаго произвола. Человѣкъ можетъ достигнуть своихъ цѣлей, только сообразуясь съ чужими потребностями и подчиняясь тѣмъ законамъ, которыми управляются эти отношенія. Эти законы не суть произведенія человѣческой воли: они вытекаютъ изъ природы вещей, изъ отношенія человѣка къ матеріальному міру и къ другимъ свободнымъ единицамъ. Подобно тому какъ физическую природу человѣкъ можетъ покорять себѣ, только подчиняясь ея законамъ, такъ и въ экономической области онъ можетъ достигать своихъ цѣлей, только подчиняясь управляющимъ ею законамъ“. Съ другой стороны, „между экономическими отношеніями и нравственными требованіями есть та общая черта, что и тѣ и другія суть явленія свободы, вслѣдствіе чего эти двѣ области остаются самостоятельными, а соглашеніе ихъ представляется свободной волей лицъ. Экономическая наука изслѣдуетъ, какаго рода отношенія возникаютъ изъ взаимодѣйствія свободныхъ единицъ при покореніи внѣшней природы и обращеніи ея на пользу человѣка, и какими законами отношенія эти управляются“. Признаніе дуализма въ соціальной жизни мы встрѣчаемъ у социологовъ-психологистовъ Гиддингса, Макензи и особенно Уорда, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь

васть эти разныя стороны общественно-историческаго процесса и черты одной стороны переносить на другую, харак-

ниже. Заслуживаетъ исключительнаго вниманія ст. *Основной дуализм общественно-экономическаго процесса и идея естественнаго закона* (Вопросы философии и психологии кн. 104) Струве. По развитому здѣсь взгляду, въ единомъ общественно-экономическомъ процессѣ есть два ряда явленій, въ каждый данный моментъ или, вѣрнѣе, въ каждомъ изучаемомъ отрѣзкѣ времени существенно отличающіяся одинъ отъ другого. Одинъ рядъ, могущій быть рационализованнымъ, т. е. направленнымъ согласно волѣ того или иного субъекта, другой рядъ, не могущій быть рационализованнымъ, протекающій стихійно, въ соответствии съ волей какого-либо субъекта. Первый рядъ явленій составляютъ отношенія человѣка или, общѣ и точнѣе, человѣческихъ субъектовъ къ природѣ,—они принципиально поддаются полной рационализации. Самое природу, конечно, человѣкъ не можетъ рационализировать до конца, но свои отношенія къ природѣ онъ можетъ рационализировать до конца. Природа можетъ противостоять человѣку какъ явчто „данное“, отъ него независимое, но и въ принципѣ, и фактически эта „данность“, т. е. степень независимости природы отъ человѣка, поддается учету и ничего загадочнаго не представляетъ; поскольку же природа не только дана человѣку, но и зависитъ отъ него, она для него вполне обозрима, и не только не представляетъ ничего загадочнаго, но, наоборотъ, всецѣло подчиняется его контролю, есть покорное звено въ его хозяйственномъ планѣ. Поэтому-то отношенія человѣческихъ субъектовъ къ природѣ принципиально поддаются рационализации, ибо и „иррациональное“ въ нихъ есть нѣкоторое извѣстное и постоянное „данное“, которое можетъ быть легко и просто введено въ рациональный планъ. Второй рядъ явленій, не допускающихъ рационализации общественно-экономическаго процесса, это—отношенія между людьми. Отношенія между людьми, не будучи просто „данными“ въ отличіе отъ явленій и силъ природы, не могутъ найдти въ всецѣло во власти и подъ учетомъ какого-либо человѣческаго субъекта; ихъ Струве называетъ „естественными“, отступая въ терминологіи отъ Милля, Б. Гильдебранда и Маркса. Марксъ, правда, подмѣтилъ указанную особенность отношеній между людьми, но онъ призналъ ее лишь историческою особенностью товарнаго производства. На самомъ дѣлѣ этотъ дуализмъ присущъ всякому общественно-экономическому процессу, какъ бы ни было организовано общество въ хозяйственномъ отношеніи, если только въ этомъ обществѣ существуетъ въ той или иной мѣрѣ хозяйственное общеніе.

И этотъ дуализмъ составляетъ одно изъ основныхъ положеній исторической школы политической экономіи. Такъ Книсиъ *Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Standpunkte* выставяетъ тезисъ (der Satz), dass eine ökonomische Thatsache nicht in einer naturgesetzlichen Manifestation von Gesetzen der realen Welt allein besteht, dass sie vielmehr erst durch das Hinzutreten einer Thätigkeit des Menschen zum Vorschein

терь части усвояетъ цѣлому процессу. Онъ дѣлаетъ то же, какъ если бы строители моста считали весь процессъ постройки неизбѣжнымъ влѣдствіе независимости отъ личной воли законовъ механики. Существуютъ законы социально-экономическаго развитія, съ которыми должна сообразоваться общественная практика, которые дѣлаютъ возможными только извѣстные планы; марксисты необходимость этихъ законовъ переносятъ на весь процессъ осуществленія опредѣленнаго плана, достиженія опредѣленнаго идеала. Ихъ рѣчь и переходитъ всегда отъ необходимости этихъ законовъ къ мотивамъ социалистическаго движенія, къ пониманію условій общественнаго строительства, затушевывая находящійся здѣсь перерывъ, такъ что послѣдній почти скрывается отъ нашего зумотрѣнія. Вотъ какъ пишетъ Энгельсъ: „Крупная промышленность развила скрывающіяся въ капиталистическомъ способѣ производства противорѣчія въ столь вопіющіе антагонизмы, что приближающееся крушеніе можетъ быть, такъ сказать, нащупано руками, что новыя производительныя силы могутъ сохраняться и развиваться далѣе лишь при введеніи новаго, соответствующаго ихъ высшей стадіи развитія, способа производства, что борьба между двумя классами, созданными существующимъ способомъ производства и постоянно воспроизводимыми съ возрастающимъ обостреніемъ ихъ взаимнаго противорѣчія, охватила всѣ цивилизованныя страны и съ каждымъ днемъ усиливается, и что уже достигнуто пониманіе этого историческаго процесса, условій ставшаго благодаря ему необходимымъ социальнаго преобразованія и имъ же обусловленныхъ основныхъ чертъ этого преобразованія“. Легко можно конкретно, осязательно

kommt. Auch das nationalökonomische Gesetz kann deshalb nicht der Ausdruck von naturgesetzlichen Wirkungen der realen Welt allein sein. Es handelt sich hier vielmehr um Erscheinungen, welche sich *Functionen* in der Grössenlehre zur Seite stellen lassen. Wie der Begriff der Geschwindigkeit eine Function ist von Bewegung und Zeit, so sind die ökonomischen Thatsachen und durch sie auch die nationalökonomischen Gesetze Ergebnisse aus einer Combination von zwei unterschiedlichen Factoren, deren einer, der *reale* Factor, dem Erscheinungsgebiet der materiellen Aussenwelt angehörig ist, während der andere, der *personale* Factor, dem Geistesleben in dem Innern des Menschen entstammt. Orsюда выводился an Stelle eines Absolutismus der Lösungen das Princip der Relativität въ примѣненіи къ политической экономіи.

представить себѣ нарожденіе новаго строя изъ элементовъ наличнаго общества, но также-ли легко совершается дѣйствіе социальнаго преобразованія, это другой вопросъ. Между ними Энгельсъ не дѣлаетъ различія. Для него необходимость естественнаго процесса незамѣтно переходитъ въ нравственную или разумную необходимость преобразованій. Въ частности пресловутый методъ отысканія „социальныхъ противорѣчій“ неизбѣжно приводитъ къ субъективному фактору. Капиталистическій способъ производства *доказываетъ* свое банкротство, растетъ необходимость признанія социальной природы производительныхъ силъ. Представители научнаго социализма убѣждены, что естественная неизбѣжность законовъ, управляющихъ національнымъ хозяйствомъ, переливается въ мотивированное дѣйствіе социальнаго преобразованія, естественная неизбѣжность средствъ становится фатальной принудительностью дѣйствія. Но дѣйствительно ли здѣсь нѣтъ перерыва? По словамъ Энгельса, „современная крупная промышленность создала, съ одной стороны, пролетаріатъ, классъ, который впервые въ исторіи можетъ выставить требованіе отмѣны не той или другой специфической классовой организаціи, не той или иной особенной классовой привилегіи, но вообще классовъ, и который поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ провести это требованіе подъ угрозой (sie diese Forderung durchführen muss bei Strafe), въ противномъ случаѣ, опуститься до положенія китайскихъ кули. И, съ другой стороны, та же крупная промышленность создала въ лицѣ буржуазіи такой классъ, который владѣетъ монополіей всѣхъ орудій производства и жизненныхъ средствъ, но въ каждый періодъ спекуляціи и слѣдующаго за нимъ краха доказываетъ (beweist), что онъ сталъ неспособнымъ къ дальнѣйшему господству надъ производительными силами, переросшими его мощь, классъ, подъ руководствомъ котораго общество несетъ на встрѣчу катастрофѣ, подобно локомотиву, у котораго машинистъ не въ силахъ открыть прищемленный спасительный клапанъ. Другими словами, дѣло въ томъ, что, какъ созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства производительныя силы, такъ и выработанная ими система распределенія благъ вступили въ вопіющее противорѣчіе съ самымъ этимъ способомъ производства и притомъ въ такой

епенени, что переворотъ въ способъ производства и распре- дѣленія, который устранить всѣ классовыя различія, дол- жень наступить непременно, чтобы не погибнуть всему со- временному обществу (*falls nicht die ganze moderne Gesellschaft untergehn soll*). Въ этомъ осязательномъ матеріальномъ фактѣ, который въ болѣе или менѣе ясной формѣ съ непреодоли- мой необходимостью проникаетъ въ головы эксплуатируемыхъ пролетаріевъ (*in dieser handgreiflichen, materiellen Thatsache, die sich den Köpfen der ausgebeuteten Proletarier mit unwiderstehlicher Nothwendigkeit in mehr oder weniger klarer Gestalt aufdrängt*),— въ немъ, а не въ представленіяхъ того или другого ученаго домосѣда о справедливости или несправедливости, коренится наша увѣренность въ побѣдѣ новѣйшаго социализма¹⁾. Также Каутскій въ *Дрфуртской программѣ*: „Если мы считаемъ неиз- бѣжнымъ уничтоженіе частной собственности на средства про- изводства, то не въ томъ смыслѣ, что въ одинъ прекрасный день въ ротъ эксплуатируемыхъ, безъ старанія съ ихъ стороны, полетятъ жареные голуби социальныхъ революцій. Мы счита- емъ неизбежнымъ крушеніе современнаго общества по- тому, что мы знаемъ, что экономическое развитіе съ необхо- димостью естественнаго процесса создаетъ такія условія, ко- торыя вынуждаютъ эксплуатируемыхъ бороться противъ частной собственности, что оно увеличиваетъ численность и силу эксплуатируемыхъ и уменьшаетъ численность и силу эксплуататоровъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи суще- ствующаго, что оно, наконецъ, ведетъ къ невыносимому для массы населенія положенію, которое оставляетъ ей выборъ только между пассивнымъ *вымирніемъ* или активнымъ пе- реворотомъ въ существующемъ строѣ собственности“. То же кратко въ *Коммунистическомъ манифестѣ*: „Классовая война всегда оканчивалась либо кореннымъ переустройствомъ всего общественнаго строя, либо *гибелью* обоихъ борющихся клас- совъ“.

Мы спрашиваемъ: откуда берется эта непреодолимая не- обходимость естественнаго процесса, съ которою проникаетъ въ головы эксплуатируемыхъ пониманіе надвигающейся ги- бели общества и въ сердца ихъ желаніе противодѣйстви- вать этой гибели, приложить всѣ старанія къ спасенію об-

1) *H. E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft.*

щества,—съ которою пролетаріатъ долженъ выставить требованіе отмѣны классовой организаціи и склонить выборъ между пассивнымъ вымираніемъ и активнымъ переворотомъ существующаго строя въ сторону социалистическаго обществѣ? Не есть ли эта необходимость простое отраженіе въ головѣ марксистовъ той необходимости, съ которою даны познанію средства и условія социальной практики, и не проектируется ли это отраженіе изъ головы марксистовъ въ чувства и волю пролетаріата? Да, характеръ необходимости съ данной дѣйствительности средствъ и условій переносится марксизмомъ въ перспективу социальной практики, которая и кажется, такимъ образомъ, находящеюся въ рукахъ познающихъ марксистовъ. Научная система марксизма продѣлываетъ тотъ самый оптический обманъ, которому мы поддаемся въ любой панорамѣ. Это напрашивающееся сравненіе мы встрѣчаемъ у Е. Филипповича ¹⁾. „Социалистическую программу“ — пишетъ этотъ авторъ — „можно сравнить съ большими, искусно устроенными, панорамами, которыя показываютъ намъ вдаль чудесныя ландшафты, при чемъ въ непосредственной близости нашъ взоръ привлекается реальными вещами, осязательною, вещественною дѣйствительностью, и эта вещественно составленная часть зрѣлища совершенно незамѣтно, лишь для остраго зрѣнія уловимо, переходитъ въ картину. Такъ и марксизмомъ фантазія удрученныхъ душъ отъ реальныхъ явленій социальной жизни, каковы концентрація индустриальнаго производства, постепенно возрастающая социализація въ смыслѣ сотрудничества многихъ для достиженія одной цѣли, возводится въ страну будущаго, которая прикладывается къ реальной дѣйствительности просто какъ картина. Какъ эта картина должна сдѣлаться дѣйствительностью и какъ потомъ сложится эта дѣйствительность, объ этомъ марксистскій социализмъ не безъ основаній умалчиваетъ, ибо исторически-необходимое развитіе, правда, можетъ быть опознано по своимъ тенденціямъ, но формы, которыя приметъ новое, чрезъ нихъ создающееся, общество, не могутъ быть опредѣлены произвольно. Эти, подмѣченные марксизмомъ, тенденціи развитія суть — концентрація производства, какъ въ индустріи, такъ и

¹⁾ *Die Entwicklung der wirtschaftspolitischen Ideen im 19. Jahrhundert.*

въ сельскомъ хозяйствѣ, накопленіе капиталовъ въ постепенно уменьшающемся числѣ рукъ, одновременно съ тѣмъ растущее обнищаніе массъ населенія, регулярное повтореніе кризисовъ, какъ слѣдствіе анархій производства и незначительной покупательной силы большинства населенія, наконецъ, крушеніе этой организаціи и переходъ политической власти къ организованнымъ самимъ же капитализмомъ массамъ. Ни одна изъ этихъ тенденцій экономическаго развитія не остается нынѣ безъ возраженій, и даже тамъ, гдѣ онѣ признаются, ихъ сила и ихъ относительное значеніе для общаго развитія оспариваются,—и это не только внѣ социалистическаго кружка, но и внутри его самого. Если принять марксизмъ въ строгомъ смыслѣ, тогда онъ приводилъ бы къ фатализму, потому что имманентныя силы, дѣйствующія въ производствѣ и обмѣнѣ, сами собой приведутъ къ социальной цѣли. Сами Марксъ и Энгельсъ не хотѣли этого дожидаться. Постепенно возрастающимъ и усиливающимся рабочимъ массамъ мало указанія на будущее государство, имъ хочется улучшить свое существованіе и самимъ заправлять имъ“.

М. Тартевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
